

Анна Дервяго

Витебск

Прагматические пресуппозиции антропонимикона русской поэзии XX века

Имя собственное является особым языковым знаком. Его аутентичность основывается по большей мере на специфическом характере семантики, заключенной в нем. Как известно, в системе языка статус онима определяется в рамках роли лишь оппозиционного конструкта, составляющего бинарную лексическую подструктуру «оним – апеллятив». Названная оппозиция основывается на признаке наличия / отсутствия значения. Причем за именем собственным традиционно значения не закрепляется. Это мнение основывается на том, что имя нарицательное выполняет «функции значения и обозначения, что соотносится с понятием и обладает приложимостью к реальному объекту»¹, то есть имеет полную семантическую структуру; а имя собственное чаще всего ограничивается функцией обозначения, более соотносясь с денотатом, нежели с сигнификатом. Однако в речи онимическая единица в полной мере способна восполнить языковую «недостаточность» функций и своей внутренней формы.

Онимы текстовой среды соотносятся с искусственно созданными объектами, что вносит в понимание семантики этого типа единиц определенные коррективы. Искусственные сигнификаты, созданные автором, воспринимаются читателем субъективно. Материализация на

¹ И. П. Зайцева, *Стилистические функции имен собственных в поэтическом тексте (На материалах современной советской поэзии)*, Дис. ... канд. филол. наук, 10.02.04, Моск. гос. пед. ин-т, Москва 1987, с. 12.

языковом уровне личностных отношений к денотату именования выражается в наделении имени собственного обширной семантикой, где ведущая роль принадлежит не предметно-понятийному ядру (как у апеллятивов), а периферийному компоненту, вмещающему весь объем прагматической информации.

Основной механизм существования личности в условиях окружающей ее действительности – познание, результаты которого аккумулируются в знании, отраженном в виде понятий. Представление об устройстве мира являются субъективным итогом познавательной деятельности. Личностные представления формируются на двух уровнях в структуре языковой личности – вербально-семантическом и лингво-когнитивном (или тезаурусном). Вербальная сеть охватывает слова, значения, связанные линейно, без предпочтительности. Она представляет собой «субъектный уровень организации семантики, постоянный на прямых отношениях, является знаковым по своей природе образованием»². Актуализация, выведение на уровень сознания отдельных объектов-элементов вербальной сети приводит к созданию гипотетического образования, что составляет тезаурус языковой личности. При этом изменчивость, хаотичность семантических объединений сменяется понятийной упорядоченностью по принципам логики, а уровень семантики слов и выражений – уровнем знаний.

Имена собственные в силу специфики своей семантической наполненности тяготеют к дислоцированию на тезаурусном уровне. Тезаурусное знание закрепляется в виде образов, картин, отражающих состояние пространства, окружающего человека. Именно компоненты этого знания способны представить общий фонд знаний и представлений о мире, сформировавшийся у того или иного человека. Онимическая единица при некотором подавлении денотативной соотнесенности прагмаэлементом семантики имеет вполне обоснованные «претензии» на тезаурусную реализацию: созданный онимом в сознании образный объект во всем многообразии дополнительных смыслов воплощает образ представимый, перцептуальный.

Онимы, именующие, в частности, персонажей текстового пространства, благодаря прагмаэлементу семантики аккумулируют в себе обширные объемы информации, представляющие личностный фонд знаний. И этот сегмент действительности, воплощенный в тексте его создателем, способен достаточно красноречиво очертить непосред-

² Ю. Н. Караулов, *Русский язык и языковая личность*, Москва 1987, с. 171.

ственно личностную направленность автора текста. Понятие прагматической пресуппозиции включает в себя оценку говорящим общего фонда знаний адресата, а также «конкретной информированности, интересов, мнений и взглядов...»³. В аспекте прагматической пресуппозиции мы рассмотрим антропонимикон поэтических текстов В. Брюсова, Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Пастернака, И. Бродского и А. Вознесенского, последовательно воплощавших на периферийном уровне онимической семантики личностно сублимированный фонд знаний XX в.

Фонд сведений о субъектах, деятельность которых тесно связана со спектром разного рода преобразований и инноваций в области политической деятельности, культуры, науки, искусства, последовательно воплощается в прецедентных антропонимах, каждый из которых есть «индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом... или прецедентной ситуацией; это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени»⁴. Обобщенное представление о том инновационном вкладе, которое в сознании носителя языка неразрывно связывается с именем активной персоны, составляет исходный элемент прагматического компонента семантики прецедентного онима. Предметно-образные связи, активизирующиеся при помещении онима данного типа в художественный контекст, обогащают прагмакомпонент новыми смыслами, что в результате формирует художественно полноценный и разновекторный импликационал прецедентного именования.

Центральное место в секторе прецедентных единиц занимают родовые имена (фамилии) людей, чьи творческие достижения определяются соотносительностью с областью словесного (поэтического и прозаического) искусства. Лексический и ассоциативный фон таких онимических единиц достаточно продуктивен, что позволяет автору использовать их в качестве именований лирических персонажей без дополнительных комментариев. Многообразие имен, соотносительность их с разными хронологическими и ареальными пластами свидетельствует об особой роли, принадлежности к общемировой культуре всех именуемых персоналий: *Бодлер, Вергилий, Верлен, Верхарн, Гете, Гомер,*

³ Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990, с. 390.

⁴ В. В. Красных, *Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация)*, Москва 1998, с. 52.

Данте/Данте Алигьери, Пушкин, Тютчев, Фет (персонимосфера поэзии В. Брюсова), *Иннокентий Анненский, Байрон, Буссенар, Вольтер, Габриел Россетти, Гюго, Леконт де Лиль, Мюссе, Рабле, Руссо, Рюдель, Сафо, Сервантес, Тургенев* (персонимосфера поэзии Н. Гумилева), *Ариост, Батюшков, Боратынский, Державин, Золя, Меттерних, Петрарка, Расин, Сумароков, Флобер, Франс, Чарльз Диккенс, Шекспир, Языков* (персонимосфера поэзии О. Мандельштама), *Бальзак, Белый, Блок/Александр Блок, братья Гримм, Брюсов, Горький, Достоевский, Киплинг, Конрад, Лермонтов, Мицкевич, Мопассан, Пруст, Ронсар, Хемингуэй, Чехов* (персонимосфера поэзии Б. Пастернака), *Босуэлл, Вергилий, Герцен, Гесиод, Гоголь, Горащий, Джон Голсуорси, Джон Донн, Ибсен, Крылов, Лев Толстой, Марло, Мопассан, У. Х. Оден, Стендаль, Томас Манн, Томас Стерн, Шиллер, Элиот* (персонимосфера И. Бродского), *Анна Андреевна, Владимир (Маяковский), Есенин, Марина/Цветаева, Ося (Мандельштам), Пастернак, Валентин Распутин, Хлебников* (персонимосфера поэзии А. Вознесенского).

Превалирование онимических единиц, проецирующих в поэзии образы реальных персон области поэтического и прозаического творчества, вполне обоснованно: путем привлечения прецедентных онимов авторам удастся решить несколько магистральных задач. Во-первых, относительно замкнутая поэтическая система авторского произведения вписывается в общую систему глобального поэтического пространства, объединяющего все артефакты мира словесного искусства, когда бы то ни было и кем бы то ни было созданные. Во-вторых, набором и частотностью прецедентных именований очерчивается круг явлений и событий историко-культурного процесса, входящих в зону индивидуально авторских приоритетов.

Большая часть названных именований представляет одночленную структурную модель «фамилия / родовое имя»: именно этот вариант именования имеет в большинстве случаев статус прецедентного именования личности, оставившей след в истории.

Спецификой сферы прецедентной номинации поэзии И. Бродского может быть признан тот факт, что в качестве центрального элемента персонимосферы выступают фамилии (и только фамилии) людей, чьи творческие достижения отличаются соотносительностью с областью научного знания. Все использованные поэтом фамилии принадлежат людям, представляющим разные сферы науки: физику – *Эрлих, Пригожин, Кельнер, Ньютон, Попов, Ломоносов, Эдисон, Эйнштейн, Ньютон, Бойль-Мариотт, Кеплер, Менделеев, Фарадей, Мар-*

кони, математику – Эвклид, Брадис, Цейс, Лобачевский, Архимед, Декарт, Ковалевская, астрономию – Галилей, биологию – Дарвин, Линней, Мичурин, медицину – Ибн-Сина, Брайль, философию – Аристотель, Зенон, Светоний, Катон, Гоббс, Фейербах, Ницше, Кант, Фрейд и др.

Второй по числу входящих в нее элементов является группа онимов, представляющих личности правителей и полководцев, государственных деятелей в целом: *Антоний, Эрик, Анунд, Горм, Свен Краснотукий, Петр, Бонапарте/Наполеон* (Брюсов), *Юлий Август, Цезарь, Рюрик, Антоний, Каракалла, Юстиниан* (Гумилев), *Пилат, Мирабо, Врангель, Чапаев, Ленин, Сталин, Керенский* (Мандельштам), *Тамерлан, Мартин Лютер, Колинхи* (Пастернак), *Калигула, Людовик Четвертый, Гагарин* (Вознесенский), *Хаммурапи, Ксенофонт, Брут, Мандриан, Аттила, Тиберий, Ганнибал, Велизарий, Помпей, Рюрик, Витовт, Суворов, Ней, Жуков, Джугашвили*.

Авторами не соблюдается какое бы то ни было хронологическое или территориальное единообразие в выборке именно этих именованных: прецедентные персоны разных стран и эпох проецируют в поэзии саму историю во всем ее многообразии и неоднозначности. Инвариантная идея многообразия исторических процессов и персоналий, их представляющих, в онимических системах Б. Пастернака и В. Брюсова воплотилась в антропонимных единицах, ориентированных на историю России. Так, в антропонимной системе Б. Пастернака доминирующее положение занимают онимы, именующие исторические личности, которые являлись непосредственными участниками событий, связанных со сложной ситуацией политических катаклизмов в России начала века. Этот хронологический отрезок в восприятии автора связывается с персоналиями (в поэзии – прецедентными именами) *Ленина, Шмидта, Чухнина, Баумана, Гапона, Керенского, Самарина, Перовской*. Излом истории на рубеже веков Б. Пастернак сравнивает с эпохой Петра Первого: антропоним *Петр* вносит в контекст необходимый автору смысловой план архисемы «преобразования, разрушительные действия» с надеждой на позитивный исход: «...Начало славных дней Петра / Мрачили мятежи и казни»⁵.

Принадлежностью денотатов именованных к другим областям культуры выделяется следующая группа онимов. Музыкальное искусство

⁵ Б. Пастернак, *Избранное: В 2 т. Т.1: Стихотворения и поэмы*, Москва 1985, с. 335.

проецируется в поэзии с помощью онимических единиц *Себастьян Бах, Бетховен, Шуберт, Моцарт, Паганини, Шопен, Брамс* (Мандельштам), *Чайковский, Шопен, Брамс, Скрябин* (Пастернак), *Верди, Бетховен, Петр Ильич (Чайковский), Рэй Чарлз, Шопен, Франц Лист, Синатра, Карузо, Лемешев, Гиллеспи* (Бродский). Объем прагмакомпонента семантики онима *Себастьян* делает оним вполне самодостаточным без привлечения других элементов маркированного именования в исходном и общепринятом варианте *Иоганн Себастьян Бах*, так что в поэзии Б. Пастернака оним представлен одночленной моделью именования «второе личное, полученное при крещении имя». История пластического искусства (живописи и архитектуры) в поэзии воплощена в онимах *Сандро Боттичелли, Рембрандт* (Брюсов), *Грез, Ватто, Рафаэль, Леонардо* (вар. Да Винчи), *Сальватор Роза, Буонаротти, Андрей Рублев* (Гумилев), *Рембрандт, Рафаэль, Тициан, Буонаротти, Тинторетто* (Мандельштам), *Левитан, Рембрандт, Ступин, Поликлет, Роден* (Пастернак).

Основываясь на определении прецедентности, которое принадлежит В. В. Красных, можно сказать, что в контексте русской поэзии XX в. прецедентные именования проявляют свои семантические свойства безотносительно широко известным текстам или прецедентным ситуациям, выходя тем самым на уровень абстрагирования дифференциальных признаков конкретного носителя имени. Подобные антропонимы, соединенные в границах поэтического контекста, способны транслировать значительные объемы концентрированной культурной информации. Наиболее значимые в картине мира имена могут переноситься на разные уровни близкородственных по культурной ориентированности онимических систем. Таким образом, прецедентность – это только предпосылка того, что оним становится кодом. Ономастический код есть имя-шифр, которое обладает статусом прецедентного вне зависимости от известного текста или ситуации проявления и в ряду других онимов или апеллятивных единиц проявляет наибольшую степень соответствия транслятора духовной культуры исходному требованию объективности.

Обретение антропонимом статуса текстового кода проявляется, в частности, в высокой степени востребованности онима, его активном и частом использовании. Антропонимная система изучаемого поэтического материала характеризуется «самоцитированием» нескольких онимических культурных кодов. Кроме того, знания о системе межличностных отношений, существующих в реальной действительности между субъектами, последовательно воплощаются в разных структур-

ных моделях именования, которые выстраиваются по шкале – «официальность, дистанцированность – близость, паритет». Первым ономастическим кодом, связывающим поэтические системы В. Брюсова, Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Пастернака, И. Бродского, А. Вознесенского, является прецедентный оним *Данте*. Оним существует в поэтическом контексте в разных функционально-стилистических вариантах – *Данте/Дант/Данте Алигьери*. Вариативное триединство антропонима, выражающееся в единстве денотата имени, отражает механизм контекстуального приращения значения, или семантизации. Наиболее частотным является вариант *Дант*, презентующий усеченную форму исходного онима. Антропоним отличает присутствие в прагмакомпоненте семантики смыслового оттенка большей степени фамильярности, отчасти признание паритета в отношении к денотату со стороны субъекта именования. В. Брюсов в статье «Данте современности», посвященной Э. Верхарну, так оценивал фигуру Данте: «Данте, в значительной степени, – синтез прошлого, высшее выражение средневековья, которое, в его дни, было уже на исходе в Италии, подступившей к своему первому Возрождению»⁶.

Система смысловых ономастических кодов не ограничивается онимом *Данте*, однако они транслируются не на все рассматриваемые оригинальные антропонимные системы, выявляя тем самым круг менее частотных предпочтений. Вторая позиция культурных кодов замещена сразу двумя прецедентными онимами – *Вольфганг Гете / Гете* (системы В. Брюсова, Н. Гумилева, О. Мандельштама, И. Бродского), *Пушкин* (системы В. Брюсова, О. Мандельштама, Б. Пастернака, И. Бродского). Колебания в области фоновой семантики первого (при отсутствии таковых у второго) антропонимного именования менее продуктивны в смысловом плане, нежели это отмечалось по отношению к ониму *Данте*: в паре *Вольфганг Гете – Гете* оба антропонима представляют семантическое приращение по семе «официальность, дистанцированность в отношении», однако данные варианты по-разному реализуют признак прецедентности и демонстрируют разную степень проявления статуса культурного кода. Большей формульностью и концентрированностью смыслового наполнения обладают онимы *Гете*, *Пушкин*, презентующие структурную модель «фамилия» в системе именования лирических героев. Эта форма именования персонажей в поэзии приобретает характер наибольшей условности и отстранен-

⁶ В. Брюсов, *Собрание сочинений*: В 7 т., Москва 1973–1975, с. 409.

ности. По своей сути такие антропонимные единицы иллюстрируют процесс преобразования фамилии персонажа (в реальности – человека) в его визитную карточку, фамилию-«бренд», опознавательный знак, обладающий презентативной дефиницией и являющийся сигналом принадлежности лицу, владеющему правом его использования, а также располагающий признаками более сильного дифференциального свойства, нежели личное имя.

Значение по своей сути динамично. Семантизация прецедентных имен в контексте иллюстрирует такую динамику. Преимущественно благодаря объему периферийного прагматического компонента семантики антропоним становится сосредоточием смыслов, на базе которого развивается многозначность. Контекстуальное воздействие проявляется как «двуединный процесс развития у имен собственных переносного значения и интерпретации этого значения субъектом речи и адресатом»⁷. При этом значения неизменно сохраняют специфичность национальной языковой картины мира. Метафора как одна из наиболее продуктивных форм реализации семантически усложненной антропонимной единицы является сосредоточием всего семантического инструментария онима (элементов предметно-понятийного ядра в качестве базовых, однако в большей степени конструкторов периферийного семантического отдела). В основе антропонимной метафоры лежит стремление автора облечь в определенную лексическую форму мысль, формирующуюся в связи с ассоциативной оценкой какого-либо денотата. В поэзии О. Мандельштама в качестве метафор выступают прецедентные онимы *Шуберт*, *Моцарт*, *Гете*: «*И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме, / И Гете, свившийся на вьющейся тропе, / И Гамлет, мысливший пугливыми шагами, / Считали пульс толпы и верили толпе*»⁸. В основе метафор лежит уподобление явлений реального мира и антропонимических концептов по признаку общности исходных онтологических примет. Обобщенная сема «песенность» связывает в едином семантическом блоке образ творческой манеры композитора Шуберта и звуковой образ переливов водного потока; сема «незатейливость, легкость, воздушность» реализуется как основа уподобления акустических качеств музыкальных творений Моцарта птичьему щебету, находящемуся за пределами активности человеческого разума.

⁷ И. Э. Ратникова, *Имя собственное: от культурной семантики к языковой*, 2003, с. 149.

⁸ О. Э. Мандельштам, *Сочинения*. В 2 т. Т. 1, Москва 1990, с. 200.

Существует в поэзии и группа онимов, которые позволяют оценить широту общего фонда знаний посредством прецедентных ситуаций и текстов, воплощенных в поэтической среде в виде онимизированных апеллятивов. Одним из таких единиц является квазионим *Куст*, представляющий поэзию И. Бродского.

В его семантике аккумулируется вся совокупность представлений о горящем, но не сгорающем терновом кусте, в котором Бог (Бог-Отец) явился Моисею, призывая его вывести соплеменников в обетованную землю из рабства, сдвигается во времени, совмещается с образом Авраама, родоначальника израильтян. Слово И. Бродский разлагает на буквы, каждая из которых получает собственное независимое значение и способность оставлять его за собой нетронутым вне зависимости от того, в пределы какого слова буква вновь попадает: «...В нем сами буквы – больше слова, шире. / 'К' с веткой схоже, 'У' еще сильней. / Лишь 'С' и 'Т' в другом каком-то мире... / ... Но вот он понял: 'Т' – алтарь, алтарь, / а 'С' на нем лежит, как в путях агнец»⁹. Очертания буквы «Т», при незначительном изменении напоминающие крест, приводят к преобразованию слова «Куст» в «Крест» и продолжению цепочки толкования: Авраам предстает прародителем народа, обреченного на страдания в начале своего зарождения (буквы «С» и «К» входят и в состав имени сына Авраама Исаак, при этом разделяются дважды повторенной буквой «А», что вызывает ассоциацию с «воем страшной муки»). Все эти ассоциации аллюзии приводят к заключению о возможной метафизической природе каждого звука, слагающего личное имя, о чем размышлял П. А. Флоренский: «Слово – человеческая энергия, и рода человеческого и отдельного лица, – открывающаяся чрез лицо энергия человечества. Но предметом слова или его содержанием нельзя признавать самую эту энергию: слово, как деятельность познания, выводит ум за пределы субъективности и соприкасается с миром, что по ту сторону наших собственных психических состояний»¹⁰.

Таким образом, прагматические пресуппозиции антропонимикона русской поэзии XX века связаны с особым типом имен собственных, существующих в пространстве текста. Расширение их семантики в области прагмакомпонента личностными и социально обусловленными ассоциациями делает возможным формирование у адресата текста пред-

⁹ И. Бродский, *Остановка в пустыне*, Санкт-Петербург 2000, с. 40.

¹⁰ П. А. Флоренский, *Сочинения*: В 4 т. Т.3 (2), Москва 2000, с. 65.

ставления о системе индивидуально авторских приоритетов. В частности, набором и частотностью прецедентных именований русского поэтического текста XX в. в лучших его воплощениях в поэзии В. Брюсова, Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Пастернака, И. Бродского, А. Вознесенского очерчивается круг явлений и событий историко-культурного процесса, свидетелями и участниками которого поэты были. Этот фонд знаний оценивается адресатом текста – читателем – и наиболее важные его компоненты включаются читателем в собственную систему представлений и знаний о мире. Антропонимикон русского поэтического текста выстраивает систему знаний о мире в различных областях – от множества артефактов в области словесного, изобразительного, музыкального искусств до научных знаний и исторических событий, коими XX в. был отмечен.

S U M M A R Y

The focal issue of the paper is the questions of the embodiment the basic and personal found of human knowledge through the proper names. The antroponym's vocabulary in the poetic text of the XX century are included in main system of names as a language signs, but they consist of a great number of associations and volume of pragmatistical information. Thanks to extralinguistic knowledge of author and reader the antroponym's space becomes to a complete signs of time and human typical / individual knowledge.